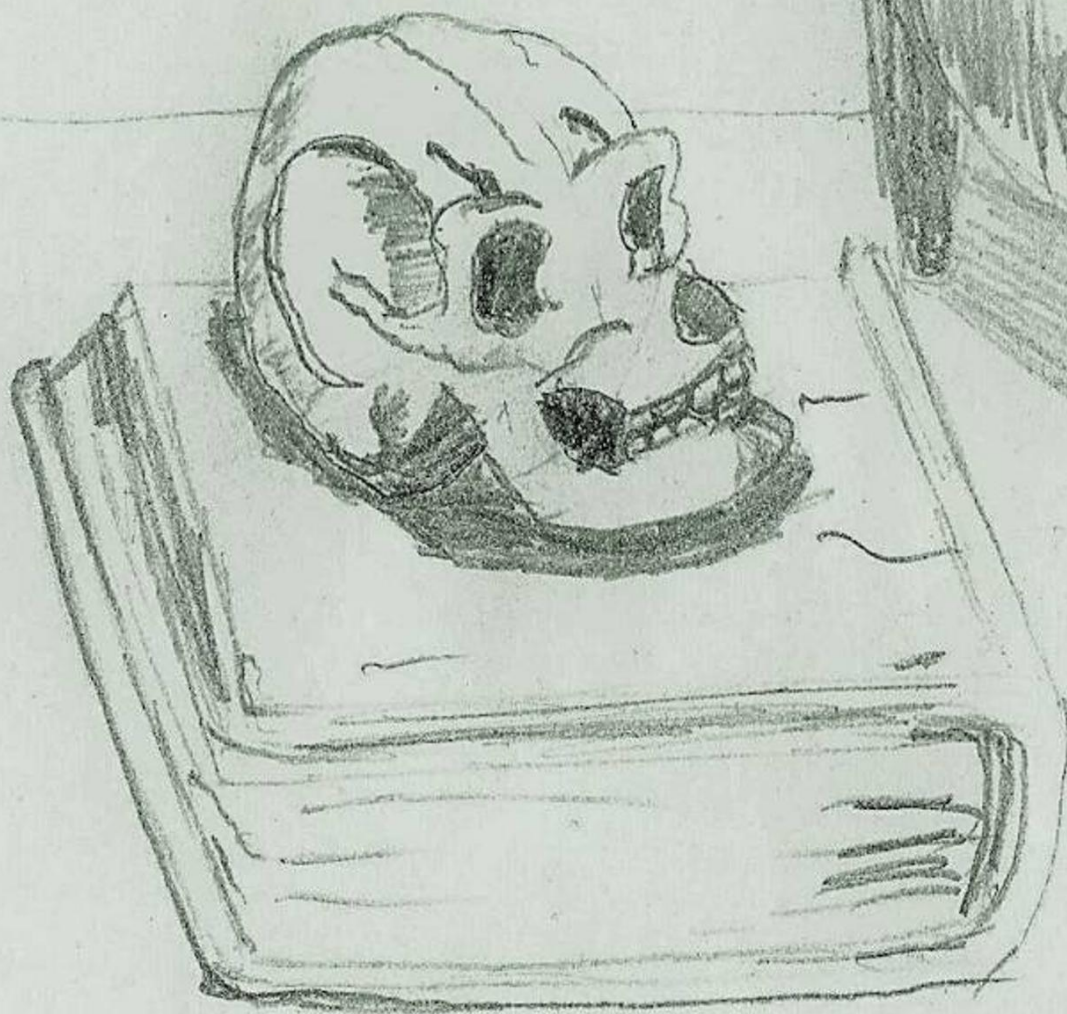

Хусеин Байрамкулов

Старшие

Хусеин Байрамкулов

Старшие

«Автор»

2026

Байрамкулов Х.

Старшие / Х. Байрамкулов — «Автор», 2026

Они приходят раз в десять лет. Молчаливые и странные, не похожи ни на кого. Старшие. Они отбирают учеников, среди самых пытливых и талантливых и возвращают их через десять лет. Многие из учеников вписывали себя в историю, как великие мастера-ремесленники, художники или изобретатели. Все королевства и республики заключили с ними одинаковый договор, о том что они не будут вмешиваться в их внутренние дела, в обмен на одно условие. И вот настал день, когда они явились истребовать своё право по древнему договору.

© Байрамкулов Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
I	7
II	10
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Старшие

Глава

Пролог

Мир между двумя королевствами был заключён недавно. Лир одним из посредников в посольстве на переговорах между Эригором и Валюа. Он был одним из учеников Старших - это отшельники, которые живут обособленно и они не похожи на остальных граждан восьми королевств и четырёх республик. В рамках соглашения он раскрыл секреты, свои изобретения, что он совершил благодаря учению Старших.

Когда Лир вернулся из Города Старших через десять лет, он не нёс с собой ни золота, ни мечей, но нечто более ценное - знание о том, как варить стекло, не пропускающее холод, и чертёж насоса, качающего воду вверх без ведер. Через год его избрали главным инженером герцогства. Так было всегда. Раз в десять лет открывались ворота в Города в Скалах. Старшие — высокие, молчаливые, со странными носами и шерстью, заплетённой в косы, или голую кожу на голове, — выбирали десяток самых пытливых умов королевств. Через десятилетие те возвращались. Одни — великими врачами. Другие — философами, чьи книги переворачивали устои. Третьи — изобретателями. Их называли 'детьми Старших'. И за это одни им молились, а другие — ненавидели."

Ненавистники называли себя 'Очистителями'. 'Знание должно рождаться в муках нашего собственного разума, а не падать с неба, как подачка!' — проповедовал их лидер. Но это были лишь слова. Пока не появился Гирон. Молодой монах, из главного храма, он не выступал с речами. Он сажал бобы в прихрамовой оранжерее. И скрупулёзно, год за годом, отмечал: какие семена дали стручки, какие стручки дали семена, и как признаки первого урожая прорастали в третьем. Он не ссылался на древние свитки или дары Старших. Тем более что никто из них не обучал учеников своему языку. Старшие говорили всегда на языке королевств, на которых были их города. Его доказательства лежали в чёрной земле. Когда он сложил свои наблюдения в короткий трактат 'О Принципе Изменчивости', где утверждал, что все сложные формы жизни произрастают из простых, как ветви из одного ствола, — Церковь назвала это богохульством. 'Очистители' же увидели в нём своего мессию. Настоящего, земного."

I

Площадь перед собором гудела, как рассержанный улей. Гирона, бледного, но не сломленного, подняли на деревянный эшафот. Верховный церковный обвинитель, в парчовых одеждах, зачитывал приговор, и каждое слово оседало на толпе тяжёлым, липким, как мёд - ядом праведности. 'Отрицаешь ли ты, что душа тварей — отлична от души остальных?' — гремел голос. Гирон молчал, глядя куда-то поверх голов, будто видел там невидимые цепочки своих бобов. И тут ритм разрушился.

Со стороны пустынных холмов, где лежала дорога к их городам, донёсся ровный, нарастающий гул. Не конский топот, а низкое, механическое урчание. Толпа замерла, головы повернулись. Из-за поворота, неспешно, словно плывя по воздуху, выкатились двухколёсные передвижники Старших. В отличии от наших передвижников - у них ножные стремяна не вращались и между колёсами не было цепи, что приводило их в движение. А ещё у них были трубы, из которых всегда шёл зловонный дым.

На головных шлемах троих ездовых отражались искажённые лица толпы. Они не остановились у края площади. Они медленно, неотвратно поплыли прямо к эшафоту, заставляя людей расступаться в немом ужасе. Наездники спешили. Одна из них подняла руку. Одежды её не колыхались на ветру, будто сшиты из иной материи. Она не взглянула на жреца. Она смотрела на верёвку в руках палача. Они сняли шлемы и она назвала своё имя, кажется Сун. Таково было её имя. Имена остальных я не запомнила. На моём лбу вышла испарина, но после того, как она начала говорить, моё беспокойство умножилось многократно.

— Мы воспользуемся правом защиты, — её голос был тихим, но он разрезал тишину, как сталь бумагу. — По Древнему Договору.

Обвинитель, Верховный Жрец, покраснев, начал что-то выкрикивать о святости суда, о воле Великой Матери. Сун дала ему договорить. Потом сказала просто, как обсуждая погоду:

— Если вы казните его, через два часа от королевства Эригор останется лишь пепел и дым догорающих мёртвых тел, домов и одежды. От многих людей останутся лишь тени. А потом мы найдём и убьём каждого, кто носил печать королевства, в любом другом государстве. На это уйдёт три дня. Выбор за вами.

Все онемели. Никто даже не сомневался. Все знали — они могут. Тишина стала абсолютной, всеобщей, давящей. Даже ветер стих. В этой тишине власть жреца, короля, всей этой площади — испарилась. Оставалась только простая арифметика: одна жизнь еретика против жизни всех. И холодный механизм, в виде женщины в странных одеждах, которая ждала ответа, вместе со своими товарищами."

Я взглянула на отца. Король Элиан стоял на балконе над площадью, вместе со мной. Он держал руку моего брата. Я видела, его еле заметную дрожь, на мгновение. Наверняка у него под грудью разливается знакомый, холодный ком страха — тот самый, что сжимал сердце в первый день правления. Но лицо его оставалось спокойным, резким, как на монетах. Только я могла различать, его эмоции, что проступали на мгновение. Он сделал шаг вперёд, к балюстраде. Все головы, ещё секунду назад застывшие в ужасе перед Сун, повернулись к нему.

Голос его прозвучал громко, ровно и чуть устало, как будто он лишь подтверждал очевидное, что все почему-то не замечали.

— Да будет так. Я с самого утра настаивал на отсрочке приговора, — солгал он, глядя прямо поверх голов жреца. — И как раз для того, чтобы затем помиловать, по случаю праздника. Вопрос лишь в одном: зачем он вам?

Он бил на опережение. Он не просил. Он уточнял детали передачи, как будто оставить его в живых была и так в его планах. В толпе пронёсся сдержанный вздох — не понимания, а растерянного облегчения. «Король всё контролирует», — сообщала толпа.

Сун повернула к нему своё странное, лишённое привычной мимики лицо. Казалось, она оценивала его ход.

— Он нужен вам, — промолвила она, и в её голосе впервые прозвучала едва уловимая интонация учителя, объясняющего простейшую истину упрямому ребёнку. — Мы просто хотим, чтобы он жил. Не более. В знак доброй воли и как компенсацию за срыв вашего... правосудия... мы ответим на три ваших вопроса о нас. Вы ведь знаете, — её голос вновь стал абсолютно плоским, — мы не обязаны этого делать.

Это был гениальный ход. Они не просто забирали еретика. Они дарили королю неслышанную привилегию — задать три вопроса богам или магам — и делали это как бы из милости, смягчая горечь их ультиматума. Король почувствовал, как в его руках появляется новая, тонкая нить власти. Три вопроса. Что спросить? И зачем им это нужно?

— Его обязанностью отныне будет служение знанию в стенах дворца, — быстро сказал король, уже выстраивая в голове следующую мысль. — Он станет придворным учёным. У него будет кров, пища и всё необходимое для работы. Он займётся переписыванием книг и оценкой новых изобретений. Его безопасность — под моей личной гарантией.

Он не просто спасал Гирона. Он перехватывал его. Вместо того чтобы еретик ушёл со Старшими и стал их символом, он оставался здесь, под присмотром, превращённый в государственного служащего. Его «свобода» становилась позолоченным заточением, а его идеи — должны были утонуть в бюрократической рутине. Это был блестящий политический расчёт.

Сун смотрела на него несколько мгновений. Потом медленно кивнула — один раз, коротко и деловито.

— Хорошо. Но если его настигнет смерть — любая, кроме как от старости, неважно, как, — будут последствия. Вы знаете, что будет. Мы уходим. Подумайте над вопросами. И пусть один из вас придёт, когда будет готов.

Фраза «один из вас» была подобна игле. Она означала: «Мы говорим не только с тобой, король. Мы говорим с вашей властью. Прислать можно и наследника, и того же жреца, если он осмелится».

Она развернулась и, не оглядываясь, оседлала свой передвижник. Остальные Старшие последовали за ней. Медленно, с тем же низким гулом, экипаж тронулся, развернулся и поплыл обратно к холмам.

Они уехали, оставив на площади следы дыма и пустоту. Пустоту, в которой летали обломки старого мира: растерянная ярость жреца, тихий ропот толпы, не знавшей, радоваться ли ей или бояться, и абсолютно пустой, ледяной взгляд Гирона, которого уже спускали с эшафота. Он смотрел не на короля-спасителя, а куда-то внутрь себя, словно понимая, что его только что обменяли. Его жизнь была спасена, но его судьба — конфискована.

А король Элиан уже отходил от балюстрады, мысленно составляя список. Три вопроса. Самые важные за всю историю королевства. И кому доверить такую миссию? Его взгляд остановился на мне, свою дочь Хоул, которая смотрела на него не со страхом, а с острейшим, пожирающим интересом.

II

Наутро, в кабинете короля Элиана было беспокойно. В воздухе — запах воска, старого пергамента и страха.

Канцлер разминал пергамент, в своих сухих и тонких пальцах и сказал не скрывая недовольства:

— Три вопроса. Это не подарок, Ваше Величество. Это — проверка. Они хотят понять, о чём мы думаем. Что мы считаем самым важным. Наш первый вопрос задаст тон на столетия вперёд.

— Самый важный вопрос — как свергнуть их иго! Они публично осквернили Суд Великой Матери! - Сказал Верховный Жрец, не скрывая ярости, - Они! Они...

— Они публично спасли наше королевство от опрометчивого шага и ясно дали понять, что он нам или им чем-то будет полезен, хотя пока непонятно как и чем именно. Вопрос о «свержении ига» задаст тот, у кого есть армия, способная стереть с лица земли целое государство за два часа. У нас такой армии нет. Следующий вариант. - Ответил король. - Вопрос о силе. «Как работает оружие, что стирает города?» Или осторожнее: «При каких условиях вы примените его снова?» Нам нужно узнать где находятся границы их терпения.

Канцлер, качая головой:

— Слишком прямо. Они воспримут это как подготовку к войне. Нужен вопрос, который принесёт пользу, но не вызовет подозрений. «Как сделать наши урожаи обильными, чтобы народ не бунтовал?» Или «Как исцелить Чёрный Кашель?»

Король зажмурился, потирая переносицу:

— Мы не просим рецептов. Мы просим... понимания. Кто они? Что им нужно? Почему Гирон? Если мы поймём это, мы сможем предсказывать их ходы. Нам нужен вопрос, который вскроет их суть.

В этот момент дверь скрипнула. Кто-то приоткрыл её без стука. В проёме показалась— Хоул. На ней не в придворном платье, а в одежду для верховой езды, запачканной землёй с конюшни. Все обернулись. Жрец посмотрел с презрением, а канцлер — с усталой покорностью. Король — с удивлением.

Хоул вошла, не дожидаясь разрешения:

— Вопрос о сути задаст тот, кто сможет увидеть её своими глазами. Не через призму страха или расчёта.

— Здесь не место, для этой девочки! - взревел Жрец.

Хоул его перебила, и сказала, смотря на короля.

— Отец! Ты не можешь поехать сам. Ты — король. Твоя жизнь — ставка в каждой игре. Мать мы похоронили меньше года назад!. Значит, еду я!

Король Элиан вздохнул и сказал тихим и спокойным голосом:

— Это не детская игра в героев, Хоул. Это разговор с существами, которые только что пригрозили полным уничтожением.

— Именно поэтому. Они не посмеют тронуть дочь короля. Убийство меня — это объявление войны тебе. А они только что доказали, что войны не хотят. Они хотят... покоя. Я для них — идеальный канал связи: достаточно важная, чтобы меня выслушали, и достаточно незначительная, чтобы моя смерть не стала поводом к войне.

На лицах остальных отразилось любопытство. Её зелёные глаза блестят в свете свечей. Она продолжила:

— К тому же, у тебя есть наследник. Младший брат, Алиан. По закону престолонаследия Эригора — трон за ним. Моя жизнь — ценный, но приемлемый риск. Твоя — нет. Я — дипломатический инструмент. И я сама вызываюсь им быть.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Канцлер оценивающе шурился. Жрец побледнел: он осознал, что эта «девочка» только что изложила безупречную политическую логику, перед которой бессильны его аргументы.

Король внимательно посмотрел на дочь. Он узрел в её позе не юношеский вызов, а железную решимость той, кто уже всё взвесила. А в её глазах не его собственный страх, а расчётливость, что она унаследовала от него же, помноженную на её бесстрашие. Он кивает, почти неосознанно:

— Три вопроса... Какие бы ты задала?

Хоул не колебалась:

- Первый: Кто мы для вас?

- Второй: Чего вы боитесь?

- Третий: Что стало с местом, что вы зовёте «домом»?

Король медленно откинулся на спинку трона. В его взгляде отражалась смесь гордости, беспокойства и странного облегчения. Он проиграл этот раунд, но проиграл своему продолжению. Но, это единственный вид поражения, который монарх может принять.

— Готовь коня. Возьми отряд гвардии до холмов. Дальше — одна. И... - он замолкает, затем его голос немного дрогнул, - Возвращайся. С ответами.

Хоул гивнула. И ушла. Все молчали некоторое время.

Канцлер нарушил тишину, его голос был сух, но в нём дрожала тень невысказанного ужаса:

— Ваше Величество... Она либо гений, либо...

— Либо она — единственная из нас, кто думает на шаг вперёд, — тихо закончил за него король. — Готовьтесь к возможной угрозе. И... молитесь. Молитесь не Великой Матери. Молитесь, чтобы её дерзость оказалась мудростью.

Жрец, всё ещё бледный, вымолвил:

— Это безумие! Отправлять ребёнка к этим... существам!

Канцлер поднял руку, останавливая жреца, но его взгляд был прикован к королю.

— Вы уверены, Ваше Величество? — спросил он негромко, но так, что каждый звук упал на каменный пол, как капля свинца. — По-настоящему уверены? Или вы просто видите в ней... её?

Король Элиан замер. Он не отвечал, глядя на дверь, которую только что захлопнула за собой дочь. В запахе воска и страха ему на мгновение почудился лёгкий аромат полевых цветов — тот, что всегда витал вокруг королевы, когда она врывалась в этот кабинет с ещё более безумными идеями.

«Если бы я тогда послушался тебя, — пронеслось у него в голове. — Если бы я не побоялся показаться слабым, отправив тебя договариваться с мятежными лордами... Может, тебя бы не взяли в заложники. Может, война не длилась бы три года. Может, ты бы не вернулась с тем кашлем, что пожирал тебя изнутри...»

Он медленно перевёл взгляд на канцлера.

— Я вижу в ней не только её, — голос короля звучал устало, но в нём не было сомнений. — Я вижу то, чего нет у нас с тобой. У неё нет наших ран и памяти о каждом унижении от их

руки. Она не несёт груз сорока лет моих попыток угадать их правила и каждый раз ошибиться. Как пытались и постичь их поколения до нас. Она... свободна от нас самих. И в этом её сила.

Он откинулся на спинку трона, и его лицо, наконец, обрело привычную твёрдость государственного решения.

— Мы посылали лучших дипломатов — они возвращались с поклоном и пустыми руками. Мы посылали учёных — они теряли дар речи. Может, пора послать того, кто не боится задать им самый простой и самый страшный вопрос. Не «как нам выжить?», а... «кто вы?». И кому, как не моей дочери, чей ум уже сегодня доказал, что он острее нашего, доверить поиск этого ответа?

Канцлер молча кивнул. Больше вопросов не было. Было только новое, леденящее душу понимание: король только что сделал не эмоциональный выбор, а стратегическую ставку. Он поставил на то, что ясный, незамутнённый страхом разум девушки — сильнее всей накопленной мудрости и хитрости королевства.

И эта мысль была страшнее любого пророчества жреца чтобы её дерзость оказалась мудростью.

III

Первый солнечный луч разрывал небо. Ночная тьма отступила. Я оставила коня и гвардейцев у подножия холмов, у склона, где начинается запретная зона. Я пошла пешком по тропе, которая слишком ровная, чтобы быть естественной. Я вижу не крепость и не город каким привыкли видеть города жители всех королевств. Скалы будто были когда-то размягчены и отлиты заново, образуя гладкие, слившиеся формы без швов и зубцов. Ни окон, ни бойниц. Только матовые поверхности цвета старого сланца и одна большая арка.

Я сделала последний шаг перед аркой. Сердце колотилось не от страха, а от напряжённого любопытства, того самого, что гнало её смотреть на вскрытия в анатомичке или рыться в чертежах запрещённых механизмов.

— Ну что ж, Ваше Высочество, — прошептала она себе, — посмотрим, кто вы на самом деле.

Ворота раскрылись. Не отъехали в сторону, не распахнулись. Они начали двигаться, подниматься вверх, открывая внутренний двор. Во дворе не было ни сада, ни фонтана. Была ровная площадка, а на ней — Железный Страж.

Он ехал по земле, его нижняя часть — несколько маленьких колёс. Верх напоминал грубые очертания торса, рук и головы без лица, только два пятна сияющих синим светом и горизонтальная полоска, мерцающая в такт его словам.

— Мы ждали вас, Хоул, старшая принцесса, — прозвучал голос. Он был лишён тембра, пола, возраста. Это был чистый, слегка вибрирующий звук, рождавшийся прямо в воздухе. — Проходите в дом.

Я прошла, чувствуя, как за спиной материя ворот вновь обрела плотность. Дом поразил меня. Я была готова ко всякому, к тому что увижу множество пещер, алтарей, свисающих кристаллов или колеблющихся чертежей в воздухе. Вместо этого — чистота. Высокий зал с ровным, тёплым светом, льющимся отовсюду и ниоткуда. Воздух пах... ничем. Ни пылью, ни ладаном, ни потом. И в центре — длинный стол, буквально ломившийся от яств.

Это было изобилие, но чужое. Фрукты идеальной формы, но невиданных расцветок. Мясо, запечённое в прозрачных корках. И всё это — на фоне абсолютной, почти пугающей простоты окружающего пространства. Контраст бил по сознанию. Такая роскошь еды в такой аскетичной обстановке говорила: «Быт для нас — не предмет поклонения. Он — просто необходимость, которую мы довели до совершенства».

За столом сидели двенадцать Старших. Они не казались гигантами. Они казались... другими. Их движения были плавными, экономными. Их «шерсть» (волосы? мех?) была убрана в сложные, но строгие узлы. Их глаза смотрели на неё с безмятежным, изучающим интересом.

Сун, та самая, поднялась.

— Прошу, садитесь во главе стола, — её голос был живым, человеческим после голоса Стража, но в нём та же бездонная глубина. — Не принято у нас сажать гостя где-либо ещё. Ешьте нашу еду, что мы сами растим, и пейте ваше же вино, что вы даёте нам в дар или в обмен на знания. А после трапезы — спрашивайте. Можно задавать и уточняющие вопросы, но это всё потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.